

**Создание на Северном Кавказе зоны межэтнического
взаимовлияния горцев, казаков и российских переселенцев
(конец XVIII-начало XIX вв.)**

Северный Кавказ в конце XVIII-XIX вв., особенно его предгорная часть, стал территорией интенсивной смены различных, преимущественно кочевых культур, что обусловило большую этническую подвижность. Согласно имеющимся данным в исследуемый период естественными пограничными рубежами для отделения территорий этнических групп являлись системы рек и горных хребтов. Основным населением Северного Кавказа были адыги, подразделявшиеся на ряд народностей, имевших общую языковую основу, но значительно отличавшихся друг от друга наречием. Кроме адыгских народов, на этой территории проживали степные кочевые народы (ногайцы, туркмены) и их соседи-горцы (осетины, балкарцы, карачаевцы, абазины).

Согласно многочисленным данным ведущее место в хозяйственной и экономической жизни горцев Северного Кавказа в конце XVIII-начале XIX вв. занимало сельское хозяйство. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические материалы конца XVIII-первой половины XIX вв. Горцы в исследуемый нами промежуток времени подразделяли сельское хозяйство на три основные отрасли: земледелие, коневодство и скотоводство. Немаловажное значение в хозяйстве горцев имели садоводство, огородничество, виноградарство, пчеловодство, рыболовство и лесные промыслы. В этих отраслях хозяйства горцы в рассматриваемый период достигли значительных успехов. Сельскохозяйственная продукция в основном шла на внутренние нужды.

Северный Кавказ издавна находился в сфере геополитических интересов Российской империи и с незапамятных времен привлекал к себе взоры разных стран и народов. Регион изначально соединял в себе две геополитические функции: преграды и моста. Связи России и народов Кавказа имеют длительную историю. К самым ранним временам российской истории относятся контакты киевского князя Владимира I с христианами зихами (предками адыгов) накануне принятия им православия и крещения всей Руси [1: 82].

Россия реализовывала политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Это было началом длительного исторического процесса: с момента первых политических контактов (черкесское посольство в Москву 1552 г.) и до окончательного включения Северного Кавказа в состав Российской империи (завершение Кавказской войны в 1864 г.) прошло более 300 лет.

В период с середины XVI-начала XVIII вв. устойчивые систематические связи с Москвой имели Кабарда и ряд дагестанских феодаль-

ных владений. Длительное взаимное сотрудничество поддерживалось наличием общей внешней угрозы и элементами общности феодальной политической культуры, что делало возможным их «взаимопонимание». Северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что периодически охотно закреплялось в договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства.

Именно в данный период в 1520 г. на самом Тереке поселились рязанские городовые казаки, жившие до этого на Червленном Яре. Впоследствии они стали называться «терскими», а поселившиеся ближе к отрогам (гребню) гор - «гребенскими». В начале XVIII в. аграханские казаки также переселяются в низовья Терека [2: 27]. «Казаки держались в своих гребнях, благодаря поддержке князей Нижней и Малой Кабарды, землю которых они прикрывали, и приятельским связям с мало воинственными и немусульманскими тогда соседними чеченскими обществами, из которых даже брали себе жен» [3: 101].

Союз России и Кабарды был укреплен женитьбой Ивана Грозного на дочери Темрюка, получившей при крещении имя Марии Темрюковны. Именно с середины XVI в. связи между Северным Кавказом и Россией начинают крепнуть. Немалую роль в расширении этих связей сыграли ногайцы.

Таким образом, еще в XVI-XVII веках русские гарнизоны и терские казаки совместно с горцами, в частности чеченцами и ингушами, защищали пограничные рубежи от турецко-крымских и персидских вторжений [4: 69].

В 1567 г. Иван Грозный построил на левом берегу Терека против устья его притока Сунжи крепость Терки. Здесь же создается Терское воеводство. Город Терки постепенно разрастался за счет пришлых людей – русских, кабардинцев, чеченцев, ингушей и других народов. Терский город являлся центром связи Русского государства с народами Северного Кавказа [4: 53].

Группы калмыков начали принимать русское подданство с 1607 г. В 1657 г. в правление Алексея Михайловича все тайши (правители улусов) открыто провозгласили «вечное подданство и послушание» русскому царю. В 1604 г. были построены крепости в Терском городке, Буйнаках и Тузлуке. Отсюда отряды горцев шли на помощь русским, а русский гарнизон крепости оказывал помощь горцам. В 1634 г. России присягнули темиргоевцы и часть абазин, а в 1643 г. - часть кабардинцев и Малые Ногаи. В 1645 г. присягу русскому царю принесли некоторые кабардинские и абазинские владетели, а в 1652 г. представители ряда абазинских и бесленеевских князей подтвердили свою присягу [5: 480].

Согласно историографическим материалам Кабарда окончательно вошла в состав Российской империи в 1774 г. [6: 208]. В этом же году

к России отошла Осетия, затем в 1810 г. – Ингушетия, в 1813 г. – Дагестан, в 1827г. – Балкария, в 1859 г. – Чечня [7: 354-355, 517, 1486].

Несмотря на то, что непосредственно процесс колонизации коснулся не всех территорий данного региона, фактически весь Северный Кавказ в той или иной степени подвергался влиянию российской политики. Однако непонятность образа жизни, обычаев, психологии народов Северного Кавказа, отсутствие у них государственных институтов (за исключением приморского Дагестана) требовали значительного времени, такта и терпения.

Планы освоения Северного Кавказа стали разрабатываться правительством Российской империи еще с 1764 г. Созрела необходимость «разрядить обстановку» после крестьянской войны Емельяна Пугачева посредством хозяйственного освоения новых территорий.

Поставленные правительством задачи решались в двух направлениях. С конца XVIII в. задача военно-оборонительного характера, укрепления позиций и окончательного присоединения Северного Кавказа к Российской империи осуществлялась посредством переселения на малоосвоенные территории регулярных воинских частей и казаков. Хозяйственное освоение региона, преобразование уже сложившихся отраслей горского хозяйства, развитие активной торговой деятельности и промышленного производства реализовывалось путем активного заселения региона дворянством, крепостными, государственными, а также беглыми крестьянами и иностранными колонистами.

С данного периода начинается первый этап осуществления переселенческой политики Российской империей - военно-казачья колонизация Северного Кавказа. В 1758 г. был построен Екатерининский редут. В 1763 г. был заложен Моздокский форпост как начало создания моздокской оборонительной линии и поселения на Северном Кавказе Моздокского казачьего полка. В 1770 г. из состава волжских казаков на Моздокскую оборонительную линию было переселено 517 семей казаков [8: 5], чьи станицы расположились по реке Терек выше впадения в него реки Сунжи, на протяжении 70 верст, соединяя единой военной линией города Моздок и Кизляр.

На новых местах волжские казаки создали Волжский казачий полк, расселенный на протяжении 70 верст от г. Моздока до верховьев реки Томузловки. В 1777 г. Хоперский казачий полк из Новохоперской крепости был размещен на границе к северо-западу от Волжского полка. В период с 1763 по 1782 гг. население будущей Кавказской губернии увеличилось с 10604 до 16493 душ муж. пола или на 55 % [2: 30].

Таким образом, по границе территории, приобретенной Россией на Северном Кавказе по Кючук-Кайнарджирскому миру, к 1781 г. протянулась длинная цепь крепостей и редутов от Моздока до границ земли Войска Донского.

Кавказское линейное казачество в начале XIX в. представляло уже значительную силу и должно было обеспечить защиту огромной линии от Каспийского моря до Усть-Лабинской крепости на Кубани. К этому времени на Кавказской линии было расположено уже 8 казачьих полков и одна горская казачья команда.

Также предпринимались попытки пополнить казачьи полки за счет горских народов, принявших русское подданство. Этому свидетельствует ряд принятых правительством указов. В 1777 г. к Моздокскому казачьему полку, по указанию Г.А. Потемкина, было причислено до 200 калмыков [9: 602-603] с тем, чтобы они «были русскими в станицах, могли познать существо закона, и забыть кочевую жизнь» [10]. 18 марта 1786 г. Был принят указ «О поселении Калмыков в Кавказской губернии» [11: 557], а 30 апреля 1786 г. «О причислении Калмыцких Дербетевых улусов в казенное ведомство» [11: 583]; 11 апреля 1786 г. – «О формировании войска из Горских Кавказских жителей» [11: 577], 26 августа 1789 г. «О обращении Большой и Малой Кабарды в поселенное войско» [11: 678]. В начале XIX в. в состав казаков были приняты 80 человек окрестившихся абазинцев [9: 602-603]. Из горцев формировались отряды милиции (в начале 1850-х гг. против немирных горцев успешно действовал отряд подполковника Соколова, состоящий из абазинских, ногайских и кабардинских милиционеров) [12: 20]. И лишь в октябре 1861 г. был принят закон «О сроке пребывания в военной службе Горцев, взятых в плен малолетними» [13: 406].

Нельзя сказать, что строительство укрепленной линии проходило мирно. Кавказские горцы пытались, как могли, противодействовать этому вплоть до 1864 г. Негативные последствия Кавказской войны проявлялись в уменьшении численности горских народов и подрыве хозяйства в регионе [12: 20, 25]. Что существенно тормозило и осложняло развитие торгово-экономических, хозяйственных, культурных связей и дружеских отношений между горцами и российскими переселенцами. Таким образом, опыт долголетней войны приводил российское правительство к мысли о невозможности одними только военными действиями добиться присоединения Северного Кавказа [14: 123].

В середине XIX в. казачье население на Кавказской Линии и в Черномории составляло 403257 душ обоого пола или 55,7 %, в то время как все остальное переселенческое крестьянское население, сосредоточенное в основном в Ставропольской губернии, составляло 322624 душ обоого пола или 44,3 % [15: 37, 38]. Нельзя не отметить, что прирост населения на Северном Кавказе был намного выше, чем в центральных губерниях России.

Таким образом, военно-казачья колонизация Северного Кавказа в конце XVIII-начале XIX вв. служила плацдармом для осуществления более активной гражданской колонизации.

Во второй половине XIX в. наступает второй этап процесса заселения Северного Кавказа различными категориями населения Российской империи. Он приобретает массовый характер. В конце 50-х гг. XIX в. еще больше возрастает число государственных крестьян, причиной этому послужило начало обратного процесса – перевода казачьего населения в словесие государственных крестьян и превращения станиц в селения.

Кроме станиц, на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. на базе русских крепостей возникли города Кизляр (1736), Моздок (1763), Георгиевск (1777), Владикавказ (1784), Назрань (1817), Грозный (1818) и др. Города стали центрами областей, губерний, уездов, казачьих отделов, национальных округов и приставов.

Необходимо отметить, что основными факторами, стимулирующими массовое переселение крестьян на Северный Кавказ во второй половине XIX в., были окончание военных действий и возможность получения земель при поддержке государства.

Если в конце XVIII в. все население Северного Кавказа составляло немного меньше 1 000 000 чел., из них российских переселенцев – 172 000 чел. [2: 144], то к концу XIX в. все население региона доходило до 7 600 000 чел., из которых 91 % составляли российские переселенцы из Европейской России [16: 138]. Численность горцев в конце XIX в. составляла – 350 000 чел., кочевых народов – 130 300 чел. [17: 837].

Выходцы из губерний Европейской России в Ставропольской губернии составляли 96, 5 %, в Кубанской области – 91,2%, в Терской области – 68,8%, в Черноморской губернии – 60,7% всего пришлого населения. Особенностью Черноморской губернии было наличие большого количества иностранных подданных – до 20% [16: 159]. В результате колонизации Северного Кавказа менее чем за сто лет плотность населения региона увеличилась в 10 раз.

Колонизация Северного Кавказа, осуществленная российским правительством с конца XVIII в., становится отправной точкой и основной предпосылкой для возникновения тесных экономических, торговых и культурных связей, возникших между горцами и российскими переселенцами. С этого периода Северный Кавказ приобретает статус зоны тесного межкультурного взаимодействия и уникального пограничного региона в географическом и социокультурном отношениях.

Библиографический список

1. *Гадло, А.В.* Этническая история Северного Кавказа X-XIII в. [Текст] / А.В. Гадло. – СПб., 1994.
2. *Кабузан, В.М.* Население Северного Кавказа в XIX - XX веках [Текст] / В.М. Кабузан. – СПб.: Блиц, 1996.
3. *Нелепин, Р.А.* История казачества [Текст] / Р.А. Нелепин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской митрополии «Православная Русь», 1995. Т. 1.

4. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967.
5. Сборник Русского исторического общества [Текст]. – СПб., Вып. 59, 1887.
6. Кавказский Календарь на 1862 г. – Тифлис, 1861.
7. Большая советская энциклопедия. Евклид - ибсен.- М.: Советская энциклопедия, 1972.
8. ПСЗРИ.-I.-Т.XIX (1770 по 1774 гг.), – СПб., 1830.
9. АКАК. Т. 4. Ч. 2. Тифлис, 1870 г.
10. *Бентковский, И.В.* Материалы для истории колонизации Северного Кавказа [Текст] / И.В. Бентковский // Ставропольские Губернские Ведомости. – 1880. – № 35, 38,42.
11. ПСЗРИ-I, с 1649 г., Т. XXII (1784-1788)/ Б.м.; изд. – СПб., 1830.
12. *Ктиторова, О.В.* Абазины Северо-Западного Кавказа в исторических событиях и процессах конец XVIII-XIX вв. [Текст]: автореф. ... канд. ист. наук / О.В. Ктиторова. – Краснодар, 2003.
13. ПСЗРИ-II, Т.XXXVI, 1861 г. Отд. 2, – СПб., 1863.
14. История Кубани [Текст]; под ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. – Краснодар, 2005.
15. *Чекменев, С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. [Текст] / С.А. Чекменев. – Пятигорск: ППШИЯ, 1967.
16. *Куприянова, Л.В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX века [Текст] / Л.В. Куприянова. – М., 1981.
17. Энциклопедический словарь. Исторические журналы Калайдович. Репринтное воспроизведенное издание Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 26, 1890. – М.:Терра, 1991.